

ПО ПРОТИВОХОДУ

О КНИГЕ АРСЕНИЯ ГОНЧУКОВА «ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЧЕЛОВЕКА»
(ИЗДАТЕЛЬСТВО «АСТ. РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ», 2023)

ГАЛИНА КАЛИНИНА
Родилась и живет в Москве, окончила РГГУ, прозаик, критик, эссеист. Автор книг: сборников «Поверх крыш и флюгерных музын» и «Идти по прямой», а также романа-надежды «Лист лавровый в пищу

не употребляется» (сага о старообрядцах). Лауреат международных литературных конкурсов имени Бунина, имени Натаева, имени Нороленно, имени Анненского, «Русский Гофман», «Антоновна+» и «Волошинский сентябрь»

(критика). Лонг-листер конкурса имени Ф. Исандера (2022) и «Неистового Виссариона» (2023, критика). Номинант канадской премии имени Э. Хемингуэя (2021) и лонг-листер премии «Ясная Поляна (2023) за роман-надежду.

Человек остается собой, пока он удерживает свои прежние ценности.

С. Переслегин

Мы пытаемся предъявить к проживанию будущее.

А. Секацкий

Автор обсуждаемой книги, режиссер, сценарист по профессии, на презентации откровенно предупредил потенциального читателя, что за текст в жанре фантастики взялся впервые. Ранее автор писал в реалистических жанрах, изредка заходя на территорию магического реализма. То есть автор поставил перед собой несвойственную задачу: быть прогностиком, и, преодолевая ее, двигался как бы по противоходу.

Перебираться из жанра в жанр, тем более в разных видах искусства, невообразимо сложно. Писать в стиле умеренного фантдопа затронула сама тема: наступающий на человека искусственный интеллект (ИИ). Согласитесь, взятая тема, весьма актуальная и всепроникающая, затрагивает будущее каждого из нас. Тема ИИ у нас еще повсеместно не болит, но беспокоит. Превентивные меры пора принимать уже сейчас — таков авторский посыл.

Читателю предложены семнадцать новелл в постмодернистском жанре киберпанка, где непосредственно новелла «Доказательство человека» составляет скромный объем, около шести страниц. Но, как лейтмотив книги, заглавная новелла говорит о востребованности и возможности счастья в будущем лишь на маленьком, спрятанном от всего мира сервере. Помимо того, идея состоятельности человека прозвучит в финале всего повествования и там несколько изменится. «И все-таки, знаете, думаю, люди не развяжут войну. И это будет лучшим доказательством человека».

Новеллы не связаны между собой переходящими из истории в историю действующими лицами или мировоззрением главных героев, присутствием единого нарратора, временным периодом или таймлайном. Безусловно, отдельные тексты объединены в целое самой темой, но позволяет ли условное объединение называть книгу романом, остается под сомнением. И тут вопрос, скорее, не к автору, создавшему текст-пунктир, а к издательству, предпочитающему выпустить книгу-роман, вертикальный эпистолярный сериал, нежели книгу-сборник. Сборники в продаже уступают романам, сагам, хроникам, эпопеям. Прошлое волнует только рефлексизирующих, будущее — всех без исключения. И издательство, вероятно, учитывая это соображение, оценило и поддержало авторский выбор темы, публикуя произведение в «раскрученной» серии «Другая реальность».

Персонажи историй книги о ИИ не повторяются, но центрируются вокруг одной профессии — сотрудника органов внутренних дел. Автор часто делает в новеллах протагонистом или антагонистом следователя либо служащего милиции (именно милиции, не полиции). Может быть, в этом случае проникновение в психологию ролевого героя представляется автору более достоверным и доступным.

Проследим, кто вообще выведен автором в качестве главного героя (ГГ) его историй:

- робот, в роли отчима;
- оцифрованный дед, общающийся с внуком из хранилища сознаний;
- кибермилиционер;
- стрелок минометного отделения;
- вдова-огородница, получившая право выбора места смерти;
- генерал — отец-одиночка;
- следователь, навещающий подсудимого в тюрьме;
- подросток — гибрид человека и ИИ;
- внучка в образе бабушки — полковника внутренних войск;
- сосед, сдавший соседа службе эвакуации;
- оцифрованный человек, присутствующий на собственных похоронах;
- влюбленные, находящиеся в разных субстанциях и ипостасях живого и оцифрованного;
- исследователь лаборатории, ставящий эксперимент по воспроизводству цифровых личностей;
- майор милиции, застреливший человека в теле робота;
- гувернер профессора-гения;
- майор, живой человек, воюющий против Цифры.

Перечень ГГ сам по себе любопытен, поскольку раскрывает спектр ситуаций с участием ИИ в книге. А непосредственно ситуации недалекого *искусственного будущего* несут нам сюрпризы. Готовы к авторскому показу пространства возможностей?

В будущем, где царит ИИ, не будет «ни близости, ни отношений»; люди и в четвертом тысячелетии станут проживать вполне себе нынешний земной цикл — всего 78 лет, как герой Чагин, а некоторые 300–400 лет; к нашим услугам будут «цифровые кладбища, соцсети для мертвых, целые города и государства в стремительно разрастающемся, как его окрестили, глобальном Morternet'e»; безвоздушные и бестанкильные помещения; ОМОН в виде вооруженных андроидов; магниты, вырубавшие «всю электронику, которую ты по ошибке мог взять на работу»; ИИ будет обладать интеллектом преступника и криминальными наклонностями; милицейские дроны; летающие крепости «военно-гражданского назначения —

кусон искусственной суши с домами, административными зданиями, спорт-площадками и дорогами»; боевая роботизированная пехота; выращивание тела; лифты размером с комнату; здания более 700 этажей; сращивание человека и нейросети; заказ просмотра реальности в спецочках; праздничные 3D-голограммы в небе; фильмы звучат прямо в голове, и хозяин головы легко может включить и отключить фильм; исчезающие квантовые шлюзы; срок заключения в тюрьме 200 лет; старые механические тела сдаются в ремонт или в утиль; процветают фабрики по выращиванию тел; дроны-охранники фиксируют каждое движение в доме; сознание хранится в контейнере на затылке; документы пишут на пластиковых листах; термо-ядерные платформы, выжигающие жилые кварталы; цифровая армия; система дубликата личности; импульсный высокочастотный наркоз; отсутствие у младенцев системы пищеварения и сердца; проблема цифрового деторождения; права на рождение ребенка; увеличение изображения взмахом руки; связь с орбитальным центром нажатием пальцем на висок; исторические здания покрыты спецраствором бессмертия («В центре столицы не бывает дождей и снегопадов»); памятник Пушкину запаян в стеклянный прямоугольник; ветер пропускается через спеццит для создания свежего воздуха в Кремле; аренда искусственной личности; кресла-системы жизнеобеспечения (напоминающие энергооборудование звездолета в анимационном научно-фантастическом фильме «ВАЛЛ-И»).

Это все о новеньком и неожиданном. А вот что из привычно старого, обрыдлого останется в будущем, по мнению автора: июльские пробки; страх безработицы — «Парамонов утешал себя, но чувствовал, насколько сильный страх сидит внутри: потерять работу — значит потерять все»; воинствующие персоны — «Лейтенанты и старшие лейтенанты, молодые, хитрые, жадные до войны»; классовые различия (сын — директор учреждения — может себе позволить выбрать место смерти матери; мультимиллиардер управляет своей империей на новой биоболванке); генеральские «мерсы»; запрещающие проезд шлагбаумы; перекрытые для гуляний горожан улицы; фильмы о войне, затяжные дожди; наршеринг; очереди; сеансы психолога; перегоревшие лампочки; работа по графику «два через два»; Нобелевна еще вручается.

Показанный автором быт в «прекрасном» *искусственном будущем* даже на отдалении в тысячу лет привычен и довольно узнаваем. «Николаев снял с синего венчика газа кастрюлю, достал толкушку и начал готовить пюре». Персонажи новелл в меру употребляют пищу, в меру пьют, занимаются спортом, но никогда не читают. Однако книги упоминаются на всем протяжении повествования, стало быть, и в следующих тысячелетиях не исчезнут.

В одной из новелл появляется инвалидная коляска, висящая над полом. Радует уже то, что пол все-таки есть. Не сочтите за злобную иронию, напротив, хочется проявить благодарность автору за отсутствие выдуманных названий, личного фантазийного словаря, недоступного читателю. То есть когда автор упоминает «мехтело», «биоболванку» или «дигиталов», то понимание этих терминов словаря не требует.

В *будущем* Гончунова существует время как понятие.

«— Сколько ты уже сидишь, Нир?

— Вы это прекрасно знаете, — усмехнулся он.

— Да забыл уже. Семьдесят лет?

— Семьдесят четыре.

— Ого! Время бежит! — фальшиво воскликнул полковник.

Автор, уводя нас в будущее, параллельно не упускает настоящее, как бы говоря: вот из чего, собственно, то самое необозримое вырастет, придет не внезапно, а загодя, исподтишка, под сурдинку. Вы только подождите, как ждут героини новеллы «День рождения»: «Чтобы получить установку и подключение, нужно было хлопотать около года, после чего восемь месяцев стоять в очереди». Речь о подключении «запасных мозгов» или «бэкапа человека».

— Ого, — шутиливо передразнил заключенный».

В *будущем* Гончунова люди (или их модификации) веруют в Бога.

«Господи, о чем я думаю...»

«Господи, что со мной? — подумал он с ужасом».

Движущей силой взаимоотношений людей всегда были и будут раздор, претензия, притязания, требовательность, неравенство, несовершенство одних в глазах других. Об этом и тексты Гончунова: в будущем неминуемо возникнет непримиримая война между человеком и человеком-гибридом, между живыми и оцифрованными, между роботом и его создателем, между разными модификациями «людей», между «старыми» людьми и новыми — диджитал-версиями, «полулюдьми». Будущее поставит проблему предела человеческой исключительности.

До боли знакомое, звучащее ныне из всех «утюгов» прозвучит и там, в *искусственном будущем*:

«— Эх! — он снова подмигнул Петрову. — Утилизировать ублюдков было бы идеально!

— Ну-ну! — засмеялся Петров, пока Иван набирал коды доступа. — Рука бойца колоть устанет!»

Но и другое, гораздо более веское, редкое нынче произносимое вслух в стране публикации книги, но подразумеваемое, надеюсь, многими, тоже прозвучало в одной из новелл с мирным названием «Музей»: «Я не буду стрелять по гражданам своей страны».

Исходим из того, что самое древнее на земле разумное существо — субъект/объект изучения — это человек. Меняется ландшафт, климат, экология, технологии, а нутро древнего/современного человека — то же: Адам, Наин/Авель, Блудный сын... Поэтому сперва удивляешься попытке автора показать необозримо далекое будущее через стереотипы поведения нынешнего человека, а потом соглашаешься с разумностью такой

попытки. Ждешь, что тебе покажут новые, неизмеряемые миры *другой реальности*, как суть жанра фантастики, ждешь, что автор расширит границы познания устройства знакомого мира, но принимаешь прием показа будущего через понятные психотипы и человеческие качества настоящего: подлость, зависть, гордыню, раболепство, эмпатию и весь набор списком.

Представляется, что и «милицию» автор оставил вместо «полиции» как одно из средств сращивания далекого будущего с далеким прошлым. И в тех же целях, возможно, назвал героя одной из своих новелл именем заглавного сквозного персонажа цикла «Денискиных рассказов» Виктора Драгунского — Денис Кораблев. Может быть, и разговорную речь героев с жаргонизмами, просторечиями, без особенностей привел именно с тем же?

Автор, уводя нас в будущее, параллельно не упускает настоящее, как бы говоря: вот из чего, собственно, то самое необозримое вырастет, придет не внезапно, а загодя, исподтишка, под сурдинку. Вы только подождите, как ждут герои новеллы «День рождения»: «Чтобы получить установку и подключение, нужно было хлопотать около года, после чего восемь месяцев стоять в очереди». Речь о подключении «запасных мозгов» или «бэкапа человека».

Язык изложения в новеллах приближен к сценарному, и это предсказуемо в нашем случае, поскольку автор — кинематографист, профессиональный кино. Сценарный язык минималистичен, отрывист, кратко описателен.

«Здесь очень тихо».

«Обманчиво пусто».

«Что это?». «Нто это?». «Что за дед?».

«Они стояли, лифт приближался».

«Лифт приехал, двери раскрылись».

«Сабина кивнула».

«Отец занурил».

«Стремительно наступало утро».

Автор часто ставит мизансцену, дает ремарки, как в пьесе, закадровую расстановку, использует короткие описательные предложения, тяготея к некоторой экранизованности стиля. «Огромная комната... высаятся... идут... крепятся...»

«Большая комната с низким потолком, слабый свет, углы и стены притоплены в темноте и неразличимы. В центре на потолке небольшое пятно, искрящееся, прозрачное, зелено-голубоватое, живое и подвижное».

В то же время заметны намерения и попытки уйти от сценарности слога. Развернутые предложения дают разбег мысли читателя, не обрывают его воображение на короткой дистанции фразы. «Где солнце, определить было невозможно, хотя они стояли на дороге в чистом поле с аккуратно выстриженной травой и тремя небольшими округлыми зданиями, белоснежными, с узкими черно-синими окнами. Отец, высокий плотный мужчина, наинул на плечи белую куртку, его дочь Сабина поправила смятый в машине воротничок. Он смотрел вдаль, говорил и никуда не торопился».

В повествовательных предложениях и читатель может никуда не торопиться, самостоятельно дорисовывая мизансцены, декорации, ситуации, намеченные автором, вот как в новелле «Первый маньяк», например. «Уже через четыре месяца "раскопок" в ведомственной библиотеке и в спецархивах МВД Павел понял, что Кретов был маньяком. Ветеран войны 2040 года, полковник-супервайзер 107-го гвардейского киберспецпод-

разделения, программист-самоучка с докторской степенью, а до войны коллега, легендарный следователь по особо важным, Леонид Натанович Нретов закончил жизнь в психушке. В самой обыкновенной дурке для ветеранов кибервойн, куда свозили буйнопомешанных с передовых всех фронтов».

Гончунову удается показать психологизм отношений героев, что всегда поддерживает зрительский интерес: «Подполковник смотрел на Парамонова в упор. Капитан встал — взгляд начальника поднял его с кушетки». Психологизм мощно оживляет повествование: «Денис смотрел на робота, опустившего кажущиеся смешными длинные плети-руки. Только спина Лирника суежилась — он набирал что-то на планшете, — словно единственная живая из всех присутствующих». Внимательный читатель наверняка отыщет еще массу подтверждающих примеров в прозе автора. Что дает читателю акцентирование на психологизме происходящего? Во-первых, ассоциативное погружение в реальность нереального, во-вторых, примерку на себя ролей влияния на настоящее с тем, чтобы изменить будущее. Тут важно знать, не как будет, а как может быть.

Общепринято считать, что все писатели стремятся приблизиться к кино. В нашем случае наоборот, автор максимально отталкивается от привычного, уходит от «киношности». Противоход нужен самому автору, чтобы попробовать себя в иной роли. И когда у автора не очень-то получается выйти из принятого статуса, читатель остается ему благодарен. Потому как читатель как раз за изобретательность, зрелищность, образность, наглядность, за «киношность». Хотя, признаем, при общей увлекательности действия в новеллах все же несколько недостает ауратичности контента, которая через язык письма и достигается. Но опять же, она, вероятно, невозможна к предъявлению при пунктирности повествования, отдельности новелл. Представляется, что в большой форме, на непрерывном полотне словесной ткани язык автора и стиль изложения меняется автоматически, и появляется индивидуальная аура письма.

Предположим, если мир — это безграничная, нескончаемая шнола жизни, то человек в ней — вечный ученик. Не хочется верить, что участь человека так безрадостна, так бездарна, как предвосхищает автор в своей книге. Но, увы, кажется, автор прав: расчеловечивание произойдет, истинностный провал цивилизационного общества неизбежен. «Оцифрованных стало больше, чем живых. Уже двести лет как нет единого понятия Человека, нет и не будет уже никогда... При том что и те и другие — люди... Помолчали, Мирон усмехнулся:

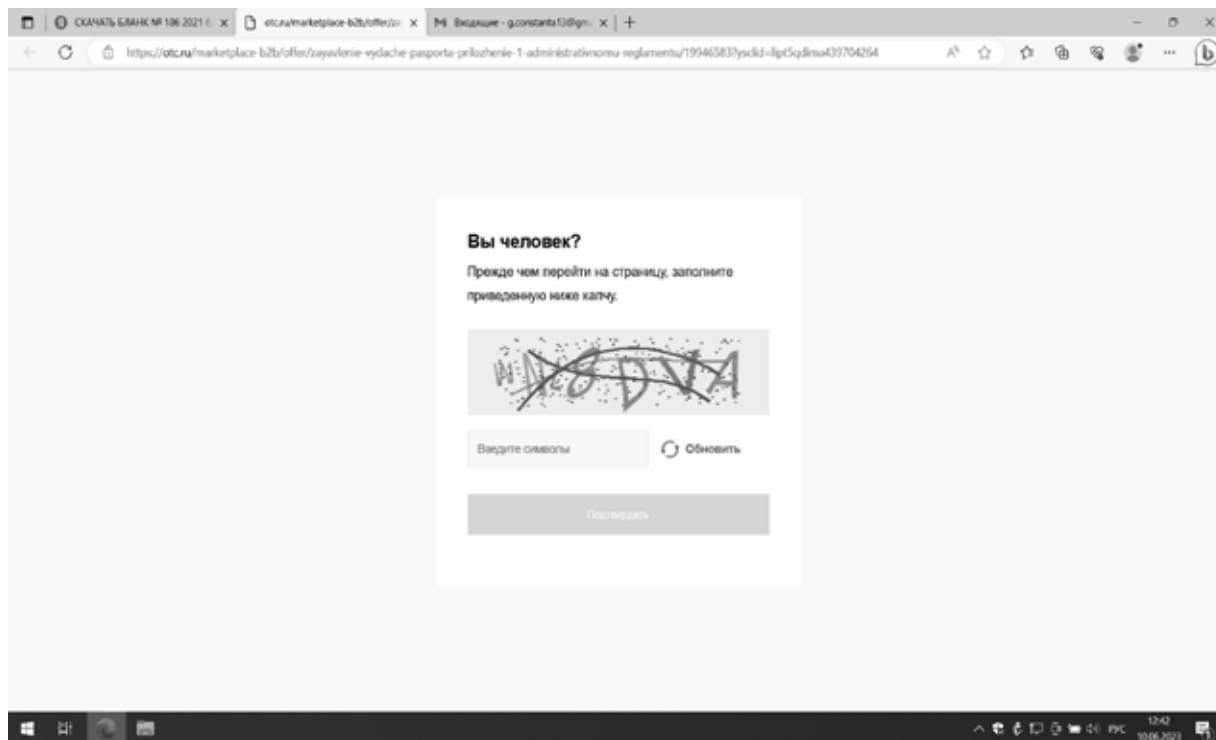
— Здесь ты права. При этом одни то и дело ставят вопрос, кого считать людьми».

Поскольку проникновение ИИ во все отрасли нынешней жизни человека происходит на наших глазах, поскольку сейчас никто не несет ответственности за мутацию конструктивных технологий в деструктивные, то, читая «Доказательство человека», прислушайтесь к прогнозам автора, ужаснитесь и не попустите.

«И все это время я говорил вам, что рано или поздно сама концепция переноса личностей в роботизированную среду приведет к пересмотру моральных установок и в итоге к антигуманному обществу... Личности, сознания начнут продавать, обменивать, стирать без суда и следствия...»

«Война за технологии переноса личности».

«Война страшнее, но мир сложнее. Во время войны импланты спасли миллионы малышей. После войны детей пришлось спасать от имплантов».

А пока не в постмодернистском киберпанке, а в нынешней реальности нам сообщают СМИ, что в июле 2023 года подписан межконтинентальный кодекс этики ИИ, что нейронная сеть повсюду заменила художников и копирайтеров, что при эксперименте в «новом свете» робот истребил оператора, якобы поставившего ему мало очков, а в некоторых мусульманских странах ИИ уже сейчас выполняет функции «полиции нравов», наблюдает за правильностью ношения хиджаба и т. д.

Но почему же робот, нейросеть, ИИ всегда работает на уничтожение? Почему не работает на добро? Почему опция добра не заложена в модуль? Почему ИИ выполняет фискальные, контрольные или надзирающие функции? Вероятно, создать роботов добра сложнее машины зла. Машина бесчеловечна. Робот бесчеловечен. Робот-бесчеловек. Бес-человек.

Задать финал нашему разговору о книге про проблему надвигающегося ИИ хочется часто встречающейся в бытовой онлайн-жизни фразой и картинкой, требующей от нас доназательства: «Если заполните капчу, то вы — человек».